

18+

Джабраил Алиев

Два друга – недруга: Есенин плюс Мариенгоф

Джабраил Алиев

**Два друга – недруга:
Есенин плюс Мариенгоф**

«Издательские решения»

Алиев Д.

Два друга – недруга: Есенин плюс Мариенгоф / Д. Алиев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536143-1

Повесть о жизни и творчестве двух неординарных друзей поэтов: Есенина и Мариенгофа. Произведение написано по мотивам воспоминаний знавших Есенина и Мариенгофа людей. Повесть читается очень легко и увлекательно.

ISBN 978-5-00-536143-1

© Алиев Д.
© Издательские решения

Содержание

П о в е с т ь	6
П р о л о г	7
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	22
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	44
Глава 14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Два друга – недруга: Есенин плюс Мариенгоф

Джабраил Алиев

© Джабраил Алиев, 2021

ISBN 978-5-0053-6143-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два друга – недруга: Есенин плюс Мариенгоф

П о в е с т ь

Пр о л о г

Почему я решил написать о дружбе Сергея Есенина с Анатолием Мариенгофом?

С творчеством Есенина я познакомился, когда учился где – то в 8 классе.

После этого, стало интересно, узнать как жил поэт и какое у него было окружение. И начал очень скрупулезно изучать биографии писателей, которые входили в литературную группировку под изысканно модным названием «имажинизм».

Хотелось узнать, какую роль в ней играл Есенин, с кем он дружил, а с кем возможно и враждовал.

И оказалось, что как не крути, а лучшим другом и... одновременно недругом Есенина все-таки был и остался поэт, прозаик и драматург Анатолий Борисович Мариенгоф.

Без малого четыре года они дружили, пока не случилась между ними очень серьезная размолвка в конце 1923 года.

И главная причина: пресловутый имажинизм.

Воспоминания Мариенгофа о Есенине после гибели последнего, очень многим близким и знакомым поэта не понравились.

Чем руководствовался Анатолий Борисович, когда писал свои мемуары совершенно невозможно понять.

Так случилось, что мне довелось увидаться и поговорить в 1984 году с известным писателем Леонидом Леоновым, который дружил в свое время с Есениным.

Я тогда служил в армии, и было мне 19 лет. Группа писателей приехала выступать перед солдатами. Когда я увидел Леонова, не поверил своим глазам. Еще бы: ведь это был именно тот человек, который являлся когда-то другом самого Есенина.

Так как я был комсоргом, и тоже должен был принимать участие в приеме гостей, то и попросил (пользуясь, случаем) Леонида Максимовича рассказать о его дружбе с Есениным. Но он не особо был расположен к воспоминаниям.

Однако когда я сказал, что мы будем отмечать в 1985 году 90 – летие поэта у нас в полку и поэтому хотелось бы узнать какие-то свежие интересные факты, он согласился.

На самом деле это было не так. В армии не отмечают юбилеи поэтов. Но я пошел на хитрость: слишком велико было желание услышать свежие рассказы из жизни Сергея Есенина.

Я приготовил блокнот, и многое тогда записал.

Писатель предупредил, что знал Есенина близко только с 1923 по 1925 год.

– А Мариенгофа, – спросил я.

– Этого человека я знал до конца его жизни. Дружбы у нас не было, но при встречах обязательно здоровались и о чем – нибудь разговаривали, чаще о литературе.

Беседа наша длилась без малого 2 часа.

Я выразил глубокую благодарность Леониду Леонову, за то, что он мне тогда юнцу, уделил свое время. Ему ведь было уже 85 лет.

* * *

Спустя десять лет состоялась еще одна интересная встреча с человеком, который очень близко знал Есенина.

В 1994 году я приехал в Москву, чтобы узнать условия творческого конкурса для поступления в Литературный институт.

Я находился во дворе института, когда там появились трое: двое мужчин и женщина преклонных лет в инвалидной коляске.

Оказалось что эта маленькая полноватая старушка, бывшая гражданская жена Есенина Надежда Давыдовна Вольпин (было ей уже 93 года). Она тоже в 1919 по 1923 год входила в группу имажинистов и писала стихи. Впоследствии стала переводчицей.

В 1924 году Вольпин родила сына от Есенина, который стал потом выдающимся математиком.

Я подошел к ней, поздоровался и мы разговорились.

Не надеясь на удачу, я все-таки попросил ее рассказать о дружбе с Есениным.

Надежда Вольпин мягко заулыбалась и спросила:

– А вам очень надо?

– Конечно, – взволнованно отвечал я.

– Через десять дней буду здесь опять по делу, приходите, я расскажу немного о себе, и о Есенине.

В тот день помню, Надежду Вольпин привезли на «Волге».

Она шла своим ходом, но очень медленно. Ее бережно поддерживал под руку водитель и еще одна пожилая женщина (оказалось, что это последняя супруга ее сына).

Полчаса она пробыла в архивном отделе, а я дожидался ее в коридоре. Наконец она появилась с какой – то папкой в руках и кивнула мне. Мы, уединились, в свободной аудитории, чтобы никто не мешал. Я стал расспрашивать в основном о Есенине и Мариенгофе.

И она охотно рассказывала.

– Это была, на мой взгляд, немного странная дружба, – сказала она.

– Почему?

– Они были очень разные по характеру, нередко ссорились, но тут, же и мирились. В милицию попадали несколько раз. Были взбалмошными и очень хулиганистыми. Часто на литературных вечерах Есенин и Мариенгоф спорили с Маяковским, и кажется, получали от этого удовольствие.

Так же хулиганил и поэт Вадим Шершеневич. Он тоже дружил с ними. Мог красиво говорить, и все время любил остро шутить, а иногда даже грубо посмеяться над кемнибудь.

– А вы любили Есенина?

Он засмеялся старческим, дребезжащим смехом.

– Да. Но он сам, кажется, больше всего любил только Миклашевскую. Многие считают, что Зинаиду Райх. Нет, мне лично показалось именно Миклашевскую. А еще была у него хорошая знакомая Екатерина Эйгес. С ней он тоже какое-то время тесно дружил, и отношения у них были близкие. Но, я на него не в обиде. Ему действительно нравились красивые женщины, а я красавицей никогда не была. Даже в молодости.

Она замолчала, продолжая улыбаться. Но молчала только несколько секунд. А потом снова стала увлеченно рассказывать.

Так я и узнал много нового о дружбе этих двух разных поэтов, таких необыкновенных и можно сказать даже загадочных.

Вот такая состоялась удивительная встреча.

* * *

А потом когда уже учился в Литературном институте, познакомился (тоже случайно) с ректором высших литературных курсов поэтом Валентином Сорокиным.

Оказалась что в 60 – 70 годах он был хорошо знаком с поэтом – имажинистом Рюриком Ивневым, который в свою очередь также был другом Есенина. На просьбу рассказать о Рюрике Ивневе Валентин Васильевич помолчал (видимо размышляя, стоит или нет) потом усмехнулся и кивнул:

– Хорошо. Заходи через пару дней, поговорим.

Когда я постучался к нему в кабинет, он пил кофе.

Сорокин поведал, что он даже некоторое время жил у Рюрика Ивнева.

– Это когда не было еще своего жилья, – уточнил он. Рюрик Ивнев был человек спокойный. Я бы даже сказал тихий, но в тоже время себе на уме. Не пьянствовал и не скандалил,

и кушал почему – то мало, видимо оттого и был чрезмерно худой. Но относился к своему окружению уважительно, за это и его тоже уважали. Про Есенина и Мариенгофа рассказывал много.

– А про кого больше? – поинтересовался я

– Пожалуй, про Есенина. Говорил, что Мариенгоф был слегка высокомерен. Анатолий считал, что он на одной ступени стоит по таланту с Есениным. Мог, что угодно сочинить о человеке ради личной выгоды, и ради заработка. А вот Рюрик Ивнев не считал себя сильным писателем (он писал и прозу), и спокойно к этому относился. Вот такой он был откровенный и честный имажинист Рюрик Ивнев, – с улыбкой констатировал Валентин Сорокин.

Вот после всех этих непредвиденных, но очень впечатляющих встреч и тщательного изучения свежих материалов, которые стали широко, доступны в 90- годы я и решился, наконец, спустя много лет написать повесть о дружбе и вражде этих двух неординарных людей: Есенина и Мариенгофа.

Так что все нижеприведенное здесь это правда и ничего как говориться кроме правды.

Часть первая

Глава 1

В августе 1918 года высокий, молодой красивый человек одетый чрезвычайно тщательно вышел из здания гостиницы «Метрополь» и направился к месту своей новой работы.

Особенно нарядно смотрелась на нем широкая со стоячим воротником румынская белая рубашка и английский

галстук бабочка темно – фиолетового цвета.

Синие брюки и черные штиблеты дополняли его изысканный модный гардероб.

Он недавно приехал в Москву, и устроился работать литературным секретарем в издательство ВЦИК.

Получит это место смог благодаря двоюродному брату Борису, который хорошо был знаком с известным партийным деятелем Николаем Бухариным.

Сам Борис работал в торговой компании «Кудряшов и Чесноков» и действительно имел широкие связи с известными людьми.

Несмотря на то, что до работы было, не очень близко, молодой человек нередко это расстояние преодолевал пешком.

В Москве было жарко: казалось еще немного, и булыжная мостовая начнет расплавляться.

Последние два дня температура воздуха поднялась выше тридцати градусов.

Он подошел к лотку, где под низким брезентовым навесом в картузе с треснутым козырьком и в белом дырявом фартуке бородатый мужик продавал холодный сироп.

Мужик быстро пересчитал мелочь, потом подал молодому человеку стакан, и вдруг смерив его неприязненным взглядом, глухо процедил:

– Ну и щеголь, откуда, только деньги берете.

Щеголь сделал несколько глоточков холодного сиропа и недоуменно спросил:

– А что плохо быть таковым? Я за своим видом стараюсь следить, между прочим.

Мужик оскалился и злобно выпалил:

– Все вы такие буржуи. Гнать надобно вас большой метлой...

Молодой человек усмехнувшись, сердито ответил:

– Во – первых я не буржуй, а во – вторых интересно узнать не вы ли будете гнать?

– Нет, на то есть чекисты, – сказал продавец резко и громко. И слова его прозвучали так, словно раздался выстрел из ружья.

Молодой человек в ответ лишь вновь спокойно усмехнулся и, поставив стакан обратно на лоток, твердо проговорил:

– Не получится, руки короткие.

И быстро зашагал уверенной походкой прочь.

* * *

Место работы молодого человека это четырехэтажное здание издательства, выстроенное из темно – серого кирпича.

Стол располагается в отдельной небольшой комнате у окна на втором этаже, откуда открывается отличный вид на Тверскую улицу.

Разлапистые стройные акации выстроились вдоль дороги ровными рядами, словно девушки в нарядных зеленых платьях. И птички громко и весело щебечут так, как – будто хотят донести до людей непременно что – то очень важное.

Но птичий язык людям не понять. Люди, словно муравьи быстро куда – то торопятся.

Однако возле какого –нибудь дерева, кто – то из них обязательно остановится хотя бы на минутку, чтобы чуть – чуть отдохнуть. Достает носовой платок, и усердно начинает отирать обильно стекающийся пот с измученного непомерной жарой лица.

Рядом, находится также небольшой стихийный рынок.

Здесь бойко и громко торгуют как продуктами первой необходимости, так и промышленными товарами.

На рынке можно найти гвозди, скобы, молотки, хомуты для шлангов, старую обувь, а также калоши разных фасонов и размеров.

В комнату, где сидит молодой человек через открытое окно время от времени долетают отдельные фразы с улицы.

– Почем калоши?

– Три тысячи.

– Дорого...

– Как дорого?

– Скидывай тысячи.

– Кукиш тебе.

– Ах ты...

* * *

Молодой человек едва улыбается, берет с полки папку и, вынув оттуда, лист небольшой желтой бумаги с записями, кладет аккуратно на стол.

Он внимательно отмечает тех писателей, которые приходят к ним и, соглашаются сотрудничать с новой властью, издавая свои произведения в издательстве ВЦИК.

Совсем недавно приходил поэт Рюрик Ивнев.

В прошлом он был буржуазный, а теперь вдруг объявил себя пролетарским поэтом. Удивило литературного секретаря, то, что Ивнев был не очень разговорчив.

Но каждое слово он произносил очень четко. Ивнев так и сказал: «Вот я пришел сюда осознанно, и ныне готов начать сотрудничать с новой властью всегда».

К обеду в маленькой комнате стало гораздо светлее, но также и очень душно. Захотелось попить воды.

Однако как только он встал, чтобы спуститься на первый этаж и набрать в чайник водички, дверь шумно отворилось, и на пороге появился стройный, небольшого роста юноша немногим старше двадцати лет.

На, юноше была светло – синяя длинная рубашка, перепоясанная широким желтым ремнем, серые широкие брюки и белые парусиновые туфли.

Очень симпатичное белое лицо обрамляли светлые длинные кудрявые волосы.

Юноша улыбнулся широко и доверительно, и, протянув руку, негромко сказал:

– Меня зовут Сергей Есенин, я поэт. Могу ли видеть директора издательства товарища Еремеева?

Литературный секретарь тоже заулыбался, и крепко пожав руку юноше, ответил.

– Директор издательства у нас товарищ Бухарин, а Еремеев его заместитель. Он заведует художественным отделом.

– Ах, вот оно как...

– Да так. А меня зовут Анатолий Мариенгоф. Приятно с вами познакомиться. Я тоже, кстати, пишу стихи.

Они немного помолчали, изучая друг друга внимательно, а потом Мариенгоф тихо добавил:

– Но сейчас нет заведующего Еремеева. Однако должен скоро быть.

И тут же вдруг рассмеялся:

– Если бы я поэту Рюрику Ивневу пожал вот так крепко руку, он, наверное, возмутился бы.

– Почему, – спросил Есенин.

– Уж очень он капризный. Сразу видно, что из бывших дворян.

Есенин немного оттопырил нижнюю губу

– Не такой уж и капризный кажется.

– А вы что знакомы?

Есенин кивнул:

– Конечно, еще в 1915 году познакомились в Петербурге. Выступали вместе на поэтическом вечере. Я был тогда с Николаем Клюевым. Мне кажется, мы даже подружились.

Мариенгоф снова улыбнулся:

– А я читал ваши стихи в «Радунице».

– И каково ваше впечатление? – любопытствовал Есенин.

Мариенгоф продолжая улыбаться, словно говорили о его собственных стихах, кивнул.

– Хорошее. Больше всего понравилось о собаке, у которой забрали щенков.

Есенин покачал головой и почему – то сердито заметил:

– Это действительно было. Произошло у нас в Константиново еще в 1912 году. Один местный украл щенков и хотел их продать цыганам.

– А зачем им щенки?

– Как зачем? Чтобы когда подрастут, табор по ночам охраняли. Они часто так делают.

– А собака чья?

– Есть одна женщина, которую зовут Лидия Кашина. Так вот собака эта была бродячая и стала она жить у нее в имении. И сейчас она там, и все у нее вроде хорошо.

– Мда..., цокнул языком Мариенгоф. У нас дома тоже в одно время жила кошка, которая никого не подпускала к своим котяткам. Мы их могли брать на руки, только тогда когда она засыпала или уходила гулять.

– И где сейчас кошка? – поинтересовался Сергей.

– Пропала куда-то, – махнул рукой Мариенгоф. У меня сестра в Пензе живет, так она на рынке другую кошку купила.

Оба снова ненадолго замолчали, а потом Мариенгоф что – то черкнул на листе бумаги и поинтересовался:

– Так значит, вы готовы товарищ Есенин сотрудничать с новой властью?

– А я уже сотрудничаю, – усмехнулся Есенин, и слегка взволнованно взъерошив свои густые волосы, спросил, – Не читали разве мое революционное стихотворение «Небесный барабанщик»?

– Нет, – признался Анатолий.

– Там ясно дано понять, за какую я власть.

– Обязательно прочту, – пообещал Мариенгоф.

– Пить охота, ну и жара, – выдохнул Есенин.

– Я только собирался воды набрать. Посидите здесь, у нас вода только на первом этаже.

Может, и чаю заварим.

– Здорово, – кивнул Есенин.

Мариенгоф юркнул за дверь, и быстро явился, обратно держа в одной руке чайник с водой, а в другой сжимая приличную щепотку чая, завернутую в кусок бумаги.

– Сейчас заварим. И леденцы у меня есть...

– Уютно у вас, – заметил Есенин, окидывая любопытным взглядом небольшой кабинет нового знакомого.

– Угу, – кивнул Мариенгоф, разжигая маленький медного цвета примус. Одно вот плохо...

– Что?

– Работая литературным секретарем, не остается времени писать стихи. А я ведь все –
таки поэт.

– А я на вольных хлебах, живу так сказать на гонорары, – тихо и не совсем убедительно
изрек Есенин.

Мариенгоф пристально взглянул на него.

– Что платят плохо?

– Да, не очень, – согласился Есенин.

– Надо свое издательство открывать, – уверенно произнес Мариенгоф.

Потом спросил:

– А где проживаете в данное время?

– На Воздвиженке в ванной комнате...

– Где?

Есенин расхохотался:

– Проживаю вместе с Клычковым. Так вот я себе выбрал ванную. Там тихо и спокойно,
и мыться можно часто.

– Не поэт, ли Клычков?

– Именно. Сергей Антонович. Но называем мы его Антоныч.

– В здании Пролеткульта, что ли?

– Да рядом. А вы где?

– В гостинице временно у родственника.

Молча, выпили чаю. После этого Есенин встал и, слегка поправив у зеркала, волосы заме-
тил:

– Видимо не дождусь Еремеева. Я и так, задержался пора идти, надо новые стихи сочи-
нять.

Мариенгоф протянул руку и усмехнулся:

– Это верно. Нам поэтам надо писать стихи. Ну что же не говорю, прощай, а говорю
до свидания. Приходите через неделю поговорим о многом. В том числе о новом литературном
направлении, который мы организовываем с Вадимом Шершеневичем. Знаете его?

– А как же. Разве можно не знать бывшего знаменитого футуриста, который когда – то
дружил с Маяковским.

– Так вот он придет. Обсудим наши стихи и насчет журнала тоже потолкуем. Мы с ним
выпускаем сборник под названием «Явь». Еремеев обещал помочь. Дадите стихи?

– Дам. Только давайте Анатолий будем обращаться к друг другу на ты. А то как – то
совсем официально, получается, – попросил Есенин.

– Сам хотел предложить, – засмеялся Мариенгоф.

* * *

Есенин ушел, и Мариенгоф вдруг некстати вспомнил о мужике, который торговал сиро-
пом. И стало ему неприятно.

Ведь глаза сверкали у того человека искренней ненавистью.

А почему? Только потому, что прилично одет? Что – то не очень ладное происходит ныне
со страной.

Злостью что – ли наполняются сердца людей? А было бы у него оружие, интересно застре-
лил бы? Может и так.

«А я бы мог»? – сверкнула нехорошая мысль в голове. И тут же немного цинично ответил
себе: «да мог».

Ведь если тебя собираются убить, то и ты должен уметь это сделать.

Вот отец, погиб три месяца назад от шальной чехословацкой пули. Получается, тоже зло-
бой кипели сердца этих проклятых чехов.

Да конечно они не целились именно в него, но если бы, не устроили пальбу, то отец был бы жив.

Глава 2

Когда Есенин вернулся к себе в квартиру, Клычков удивленно спросил:

– Ты где был Сергей?

– А что?

– Зинаида приезжала, хотела тебя видеть. Я думал, ты знал, что она должна приехать.

– Не знал, – ответил Есенин. – С дочкой была?

– Нет, – качнул головой Клычков. Сказала, что Татьяну у матери оставила, и еще сказала, что сразу обратно и уедет.

– А что спрашивала?

– Денег хотела. На дочку то деньги ведь нужны.

– Ну, вот дела, – потер задумчиво лоб Есенин. Интересно, почему телеграмму не прислала. Или в Орле почтамта нет.

– Я дал ей двадцать тысяч, что у меня было.

– Спасибо тебе Антоныч. Я должен скоро гонорар получить за книжку стихов тогда и сочтемся. Ты понимаешь, встретил утром Городецкого: он из Питера приехал. Так он стал меня пивом угощать. Про Блока рассказывал, что он поэму интересную написал про революцию. А потом поехал я в издательство ВЦИК, чтобы с Еремеевым поговорить, но его не оказалось на месте.

– А о чем Коненков просил тоже забыл?

– Вот ведь забыл...

– Надо кантату сочинить в память о погибших за революцию. Задание ведь ответственное.

– Ну, еще есть время, а потом где поэт Герасимов?

– Обещал придти, но что – то не пришел.

– Вот, вот, – а виноваты только мы будем. Так что ли?

Есенин снял туфли, плюхнулся на старый диван, и с удовольствием вытягивая ноги, весело заметил:

– Если Герасимов откажется, возьмем в соавторы Владимира Кириллова. Как думаешь Антоныч?

Клычков пожал плечами.

– Не знаю. Они ведь друзья, поэтому Михаил может обидеться. Да и Кириллов не пойдет на это.

– Я вот в издательстве с поэтом Мариенгофом познакомился...

– И что?

Может, пригласим его? – не без интереса спросил вдруг Есенин.

– Ты читал его книжку стихов «Витрина сердца»? – задал вопрос Клычков.

– Представляешь, нет.

– А мне попала на глаза. Так вот скажу, что слабая вещь. Не стихи, а какие – то нервные выкрики, много пустого, ненужного. И в этих стишках он, между прочим, прославляет мертвецов, а нам надо воспеть жизнь и героизм. Те самые красногвардейцы, которые погибли за революцию, они для нас должны быть как живые. Разве не так?

– Да так, – исподлобья глядя на Клычкова, произнес совсем тихо Есенин.

Его веки начали закрываться, и он медленно стал погружаться в глубокий сон.

Сквозь дремоту услышал, как Клычков сказал:

– Обещал придти Петр Орешин, схожу в магазин, куплю чего –нибудь. У меня еще немного денег осталось.

Есенин ничего не ответил, так как уже спал. Золотистого цвета волосы веером разметались по подушке.

Клычков тихо, почти на цыпочках вышел из квартиры, старясь, лишний раз не шуметь.

Глава 3

Через неделю Есенин сам решил навестить поэта Михаила Герасимова, который должен был написать совместно с ним и Клычковым «Кантату».

Он желал окончательно уточнить у него, будет работать с ними или нет.

Уже подходя к дому, где проживал Герасимов, Есенин неожиданно столкнулся с самим поэтом.

– Ко мне, что ли Серега? – спросил Михаил, и его хмурое продолговатое лицо едва заметно посветлело, и мелкие морщинки чуть – чуть набугрились около глаз.

– К тебе, к тебе, – буркнул Есенин. – Такое дело значит, Клычков все ноет, что надо стихи успеть подготовить к годовщине революции. Не можем ведь мы дедушку Коненкова подвести. Ты вообще настроен или нет? Может, передумал?

Высокий, статный Герасимов, который стоял, практически вытянув руки по швам как солдат, кивнул и важно заметил:

– А как же намерен. Тем более обещали пайки продуктовые выдать.

– Это так, – согласился Есенин.

– Ну, давай тогда ко мне что ли, как раз выпьем немного нашего русского вина и поговорим.

И Михаил, оттопырив, полу узкого летнего пиджака, показал бутылку вина с длинной оранжевой бумажной пробкой, которую держал под мышкой.

– Не откажусь, по стакану можно, – улыбнулся Есенин.

Герасимов проживал в двухкомнатной квартире на первом этаже деревянного дома покрашенного в яркий зеленый цвет. Дом находился в Староконюшенном переулке, который до революции принадлежал купцу Дмитрию Щукину.

– Вот здесь и ютимся с Кирилловым, – сказал Герасимов, распечатывая бутылку и разливая вино в стаканы.

На закуску он выставил малосольные огурцы и тонко нарезанный сыр. Молча, выпили и закусили огурчиками.

– Я вижу у вас две комнаты, а это уже неплохо, – окинув помещение, сказал Есенин. А где ныне находится товарищ Кириллов?

Герасимов неопределенно махнул рукой.

– Уехал к себе в Смоленск, за женой. Обещал через месяц вернуться.

– Понятно.

– А ты женат или как? – поинтересовался Герасимов у Есенина, вновь разливая вино.

– А как же, – торжественно заявил Есенин. Дочка родилась недавно. Назвали Татьяной, значит в честь моей матери. Жена не так давно уехала в Орел к своим родителям, там с ребенком легче ей будет.

У меня жена красавица. Может, слышал о ней, зовут Зинаидой. Она работала секретарем в газете «Дело народа». Я ее у поэта Алексея Ганина увел.

– Ну да, – удивился Герасимов.

– Именно так, – засмеялся Сергей.

– Нет, я ее не знаю, – признался Герасимов. Поздравляю. С красивой женщиной всегда приятно жить.

Есенин выпил стакан вина, с удовольствием закусил сыром и с любопытством спросил:

– Слушай Михаил у меня вот уже третья книга выйдет скоро, а у тебя сколько?

Герасимов внимательно взглянул на Есенина, и не очень поверил ему.

– Неужели третья?

– Да третья.

- Но ты, же моложе меня кажется на шесть лет.
- Я вас всех моложе, – рассмеялся Есенин, обнажая ровные маленькие зубы.
- Нет, я только вторую готовлю, – честно признался Герасимов.
- Ну, вот слушай, – говорил Есенин, продолжая хитровато посмеиваться. Городецкий старше меня на десять лет, Клюев старше тоже на десять, Орешин старше на восемь лет, Кириллов старше на пять, и Ширяевец старше...
- А кто младше? – перебил Есенина Герасимов.
- Младше..., – задумался Есенин. Ну, например Василий Казин, Так сказать юный начинающий комсомольский поэт. Да вот еще и Мариенгоф. Он оказывается младше меня на два года, а я думал, что старше.
- А у него, сколько книжек вышло? – не без любопытства поинтересовался Михаил.
- Только одна. Но желает открыть издательство, или журнал. У него есть радетели...
- И кто это?
- Сам Бухарин.
- Ух, ты, – крикнул Герасимов. Но мы тоже не лыком шиты. У нас тоже есть радетель, сам Луначарский, который и создал Пролеткульт. Кстати моя вторая книга выйдет там. И ты приходи, издадим и твою книжку.
- Как – нибудь наведаюсь, – свесив голову на грудь, глухо изрек Есенин. Хмель ударила ему в голову, и состояние полного блаженного покоя, овладело его телом.
- Хочешь, ложись на кровать, отдохни, – предложил Герасимов.
- Но Есенин вдруг вскочил как ужаленный и воскликнул:
- Черт возьми, ведь у меня же свидание.
- Да ну, – воскликнул также громко Михаил. – И кто она?
- Кажется студентка. Во всяком случае, говорила, что учиться в институте. Вот только забыл в каком.
- А как же Зинаида?
- Есенин немного смутился и не совсем уверенно проговорил:
- Ну, я ведь так чтобы немного развеяться. Сам понимаешь. Да и ты, наверное, не без греха.
- Есть такое дело.
- Герасимов налил себе остатки вина и хрипло напутствовал:
- Ну, тем не менее поспешай дорогой товарищ Есенин.
- Да, да, – согласился Сергей и быстро выпорхнул за дверь.

Глава 4

Спустя два месяца Есенин и Клычков решили зайти на Пресню в мастерскую скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова. Захотелось молодым поэтам посмотреть, как создается монумент, посвященный памяти погибших героев.

А еще и стихи свои продемонстрировать перед большим мастером.

Поэты в шутку именовали скульптора неизменно «дедушкой».

Коненков родился в 1874 году и дедушкой, однако себя не считал.

Был он высокий, широкоплечий, похожий на очень крепкое дерево, то ли на сосну, то ли на дуб.

Каждый раз мягко и немного наигранно отнекивался он от нового своего прозвища.

Встретил Коненков поэтов восторженно, вскинув очень длинные крепкие руки высоко вверх, громко вскрикнул:

– Два Сергея, два друга – метель да выюга...

– Ну, вот товарищ дедушка принимай незваных гостей, – усмехнулся Клычков.

Коненков дернул слегка прядь волос у Клыčkова, и мягко возразил.

– Какой я дедушка, мне еще и пятьдесят не исполнилось.

– Так значит ты молодой дедушка, – улыбнулся Есенин.

Коненков тоже весело усмехнулся и обратился к нему:

– А почему вы товарищ Есенин без гармошки?

– Так украли у меня ее, – тут же соврал Есенин.

– У него все всегда крадут, – пошутил Клычков.

– Эх, а я бы послушал сейчас с удовольствием частушки, – покачал головой Коненков.

– А мы без гармошки попробуем, – сказал Клычков, и вдруг загремел своим громовым басом:

«Говорили бабушке, не ходи ты на реку»...

Коненков отчаянно замахал полусогнутыми руками:

– Перестань, перестань...

Клычков удивленно воззрился на скульптора.

– Чего это вдруг?

– Коненков объяснил:

– Говорю же, без гармошки не пойдет.

– Эх, – вздохнул Клычков. Не угодишь тебе, капризный ты стал дедушка...

– Уймись, – рассмеялся, глухо Коненков.

Но тут, же серьезным взглядом окинув поэтов, поманил за их собой:

– Пойдемте, покажу свою работу, которую я подготовил к годовщине революции.

– Любопытно взглянуть, – сверкнул радостно синими глазами Есенин.

Клычков потер руки и удовлетворенно хмыкнул:

– Значит, мы первые ценители, так что ли?

– Да первые. И только попробуйте не оценить, – пригрозил шутливо скульптор.

Прошли через небольшой уютный дворик, где находились два наскоро сколоченные скамейки, а рядом какой-то деревянный чурбак.

– А это кто? – спросил Есенин и, не удержавшись, расхохотался во весь голос.

Коненков слегка обиженно затряс черной всклокоченной бородой.

– Ну что ты Сережа, не надо так. Это святой Николай, можно сказать мой друг извечный.

Когда скука одолевает, я только с ним и беседую.

Клычков засмеялся.

– Случайно не наш Николай Ключев?

– Далеко вашему Ключеву до святого Николая, – резонировал скульптор.

Неторопливо пройдя дворик, вошли в очень большое просторное помещение, где прямо на полу, на широко расстеленном брезенте лежал просто чудовищно огромных размеров барельеф.

На картине был изображен своего рода «Гений победы» в белом хитоне с голым торсом, который сжимал в одной руке красное знамя, а в другой придерживал трепетно длинную пальмовую ветвь.

Мемориал был выполнен в желтых, белых и красных тонах. Также у ног вестника победы возлежали несколько сабель и винтовок.

Ключков ахнул:

– Ну и красота! Ну, дедушка ты и даешь!

Есенин тоже присвистнул от восторга.

– Ты настоящий мастер Коненков. Я тебе миллион дал бы за такую работу...

Скульптор удовлетворенно кивнул и сказал:

– Работа составлена из сорока девяти кусков. Собрал я ее неделю назад, так как должны были придти глянуть товарищ Свердлов и Рыков.

– Пришли? – спросил Ключков.

– Нет, пока не соизволили.

– А если не придут?

Коненков покачал головой.

– Да нет, сам Ленин обещал, что лично будет осматривать картину.

– Здорово! – почти в унисон воскликнули поэты.

– Ну, а теперь прочтите стихи, посвященные моей работе, – попросил поэтов скульптор, и, усевшись прямо на полу, стал мягко пощипывать левой рукой свою черную бороду.

– Это мы быстро, – сказал Есенин и тут же слегка высокопарно и выразительно выдал:

*Спите любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля...*

Потом выступил Ключков.

Торопливо достав из кармана длинного потертого черного плаща сложенный вчетверо листок, торжественно продекламировал:

*Сойди с креста, народ распятый,
Преобразись, проклятый враг,
Тебе грозит судьба расплатой
За каждый твой неверный шаг...*

– Неплохо, неплохо, – с удовольствием закивал головой Коненков. Молодцы парни. Жаль, нет Герасимова, хотелось бы и его послушать.

– Плохо не напишет, – заверил Ключков. Мы сейчас как раз собираемся наведаться к нему.

– Передайте, что я его за уши хорошенько потреплю, за то, что не приходит, – пошутил Коненков.

– Обязательно, – звонко закричал Есенин и, заложив два пальца в рот, также громко и озорно присвистнул.

Глава 5

Оказалось, что Михаил Герасимов заболел.

Поэт лежал на кровати, сложив руки на животе почти как покойник, и время от времени тяжело вздыхал.

Увидев поэтов, Герасимов грустно обронил:

– Я друзья что – то совсем некстати заболел. Грудь болит и спину немного ломит.

Есенин присел на табурет у изголовья Герасимова и полушутливым тоном сказал:

– Миша, ты не помирай раньше времени. Стихи написал? А то товарищ дедушка сердится.

Герасимов едва заметно усмехнулся:

– Написал давно. Заходил композитор Шведов, я отдал ему текст, он должен музыку сочинить. Про вас спрашивал. Если у вас готово отдайте тоже ему. Он торопил.

– А который Шведов? – спросил Клычков. Их ведь трое братьев и все композиторы.

– Средний, Иван.

Герасимов привстал с кровати и что – то написал огрызком карандаша на клочке бумаги.

– Вот его адрес, поспешайте друзья мои.

* * *

Когда вышли на улицу Есенин сказал:

– Я Анатолия Мариенгофа тоже пригласил на торжество. Ты знаешь он нормальный парень.

Клычков недоверчивым взглядом окинул Есенина:

– А что он без приглашения не может придти?

– Может. Но он не знал, что целый оркестр будет исполнять кантату на наши стихи. Вот я и сказал ему об этом.

– А ты теперь намерен везде его таскать за собой?

Есенин невозмутимо заметил.

– Почему нет, он ведь мне друг. Только он хочет что – то новое, свое открыть в поэзии.

– А ты?

– И я тоже, – согласился Есенин. Чем мы хуже Маяковского и Бурлюка.

– У Маяковского абсолютно свое направление. Как он сегодня никто не пишет. Он вроде как новатор, – подчеркнул серьезно Клычков.

– Также мне новатор, – скептически ухмыльнулся Есенин. У него не стихи, а одни агитки. Недолго протянет.

– Насчет агиток согласен, есть такое дело. А вот, сколько протянет, решит время, – рассудительно подытожил Антоныч.

Глава 6

Однако Мариенгоф на Красную площадь не пришел.

По крайней мере так решил Есенин, так как найти его не смог.

Но и искать, если откровенно было не так уж и легко.

Народу в этот день (восьмого ноября 1918 года) было на площади так много, что казалось не то, что яблоку даже иголке некуда упасть.

Тем временем мемориальное полотно Коненкова под названием *«Павшим в борьбе за мир и братство народов»* было прикреплено к стене красной сенатской башне Кремля.

Потом к стенке приставили небольшую лестницу, на которую взошел Владимир Ленин.

Ему поднесли специальную шкатулку, в которой лежали ножницы, и он неторопливо разрезал соединявшую полотнища занавесу. Раздались вразнобой громкие аплодисменты и крики «ура».

Заиграл военный духовой оркестр, и хор Пролеткульта торжественно исполнил кантату, написанную поэтами.

У мемориальной доски в почетном карауле застыли два красноармейца с винтовками. На них были новые мышиного цвета шинели с оранжевыми «разговорами» и шлемы с островерхими шишаками.

Глаза Сергея Коненкова ярко блестели от радости и нервного возбуждения.

В его жизни такое случилось впервые, что ему пришлось выполнять ответственное задание, порученное самим главой государства.

Тут он увидел Есенина, Клычкова и Герасимова.

Молодые поэты поочередно поздоровались с ним.

В левой руке «дедушка» цепко держал за древко небольшого размера красного цвета флаг.

– Что это у вас Сергей Тимофеевич? – спросил с интересом Герасимов.

– Разве не видишь? Это флаг, символ новой власти – ответил гордо Коненков. Сам Ленин дал его мне в знак благодарности за мою революционную работу.

– А получилось то, действительно здорово, – воскликнул Клычков. Ему в тон стал кричать и Есенин:

– Ух, ты, ух ты, – как здорово. А ведь мы теперь классики, наверное, – радовался как ребенок он.

Коненков по – отечески взглянув, на ликующего Есенина, вынес свой невозмутимый строгий вердикт:

– Этого пока нам не понять. Потом будет ясно. Так что погоди еще плясать.

– Ну, вот дедушка и порадоваться нормально не даст, – обиженно хмыкнул Есенин, и тут же громко и озорно воскликнул: «Да здравствует революция на земле и на небесах».

Глава 7

В январе 1919 года Есенин, пользуясь хорошим отношением к нему Наркома просвещения Анатолия Луначарского и председателя Моссовета Льва Каменева смог выхлопотать в Козицком переулке пятикомнатную квартиру для так называемой «писательской коммуны».

Создать такую коммуну решили для того, чтобы показать насколько лояльно новая власть относится к писателям, которые сотрудничают с ней.

Есенин немедленно пришел, к Рюрику Ивневу и стал уговаривать его переехать в эту квартиру.

Как он выражался в их новое «житие – бытие».

– Мы ведь с тобой друзья, – порывисто, с энтузиазмом говорил Есенин. У меня есть право выбирать. Вот я и выбираю тебя и Толю Мариенгофа. Он такой же друг мне, как и ты.

– Но ведь ты говоришь, что еще трое будут? – настороженно интересовался Ивнев, смешно хлопая ресницами и покачиваясь на тощих ногах как былинка.

– Ну да, еще писатель Гусев – Оренбургский, поэт Иван Рукавишников, и журналист Борис Тимофеев, – перечислил Есенин.

– А для чего они? – с некоторой неприязнью в голосе строго осведомился Ивнев.

– Ну, видишь ли, их лично уважает товарищ Луначарский.

– А ты знаешь Сережа, что Рукавишников пьет напрапалую, – тихо и немного с испуганным выражением лица проговорил Рюрик Ивнев.

Он пытливым чуть ироничным взором уставился на Есенина, ожидая, что он ответит на этот весьма непростой, по его мнению, вопрос.

– Ну и пусть старик пьет, – засмеялся Есенин. А мы пить много не будем. Мы будем работать, и покажем чего мы стоим. Так ты согласен?

– Надо подумать.

– Чего думать, – разозлился Есенин. – Не мы так другие займут эту квартиру. Коммуну уже одобрили в Моссовете. Тем более, у тебя ведь отопление не работает, а там тепло и уютно.

– Да, это правда! – неожиданно грустно констатировал Ивнев, вытаращив на Есенина маленькие, как у птички глаза.

Это рассмешило Есенина. Он весело заметил:

– Понимаешь как это важно, когда в квартире есть отопление, и когда есть тепло. К тому же у каждого будет отдельная комната.

– Неужели отдельная? – с большой радостью переспросил Рюрик.

– Именно, – поддакнул Есенин. Я с Мариенгофом буду в самой большой, а вам всем по комнате предоставляю.

– Ну, хорошо, в таком случае я, наверное, приду туда, – наконец согласился Рюрик.

– Вот и прекрасно, – хлопнул удовлетворено Есенин Ивнева по узкому костлявому плечу.

* * *

Но спокойной, творческой жизни не получилось.

С первых дней как вселились в пятикомнатную квартиру, начались постоянные попойки напополам с песнями и громкой руганью.

Друзья, и просто знакомые стали постоянными завсегдатаями этой чудесной очень теплой квартиры в Козицком переулке.

И этих так называемых «знакомых» не останавливало абсолютно ничего. Не увещевания старейшего добродушного Гусева – Оренбургского приходить как можно реже, и не призывы Ивнева и журналиста Бориса Тимофеева прекратить, наконец, регулярные не в меру шумные оргии.

Есенин в присутствии Мариенгофа, Тимофеева или Ивнева старался не прикасаться к спиртному.

Но когда их не бывало, и он оставался с кем – то из так называемых шапочных приятелей, то случалось тоже изрядно выпивал.

Но самой главной «бедой» являлся не кто, иной, как писатель Иван Рукавишников.

Для себя писатель предпочитал исключительно вино и водку всем остальным напиткам.

Иногда Рукавишников исчезал на целый день, а к вечеру его приносили буквально на руках мертвецки пьяного.

И тогда те, кто его приносил, оставались также ночевать. Укладывались на ночь кому, где придется.

А утром эти приятели снова с еще более усиленной энергией возобновляли пресловутую попойку с милейшим Иваном Рукавишниковым.

Будучи трезвым, Рукавишников действительно был душа человек. Но вот пьяный становился буквально невменяемым.

Бывало и такое: выпивал он стакан за стаканом, не закусывая, и водка обильно стекала у него по его тощей рыжей бороде и капала в тарелку или на стол.

И тогда все дружно и неудержимо смеялись.

Он и сам тоже бессмысленно и глупо улыбался, тараща на всех осоловевшие глаза.

И чем дольше он таращил свой безумный взор на окружающих, тем громче и громче дикий хохот наполнял все пространство этой ставшей легендарной в московских литературных кругах квартиры.

* * *

Через несколько дней Рюрик Ивнев, не выдержав сумасшедшего кошмара, сбежал обратно к себе на Трехпрудный переулок.

Но... через неделю вновь вернулся.

Есенин, уперев руки в бока, громко расхохотался:

– Ты чего Рюрик?

– Понимаешь там у меня все-таки очень холодно, – объяснил Ивнев, и слегка поежившись, тоже едва заметно улыбнулся.

– Кстати хорошо, что ты возвратился. За неделю, что тебя не было, мы практически основали новую поэтическую школу.

– Кто мы?

– Я, Анатолий и Вадим.

– И что за поэтическая школа?

– Будет называться имажинизм. Слышал или нет?

– Ну как же Анатолий мне говорил. А вот что вы хотите конкретно проповедовать, этого я пока понять не могу, – искренне заявил Ивнев.

Есенин потер лоб кончиком указательного пальца. И стал объяснять:

– Понимаешь, дорогой Рюрик, имажинизм от французского языка означает образ. Так вот будем создавать в поэзии конкретные, свежие, а не шаблонные образы. Воспроизведем так сказать новую стихотворную форму через метафору. Заткнем рот нашим оппонентам бездарным футуристам. Покажем этому Маяковскому и его банде, где раки зимуют. Как говорит, наш друг Анатолий Мариенгоф у нас будет происходить «Рождение слова речи и языка из чрева образа».

Ивнев удовлетворенно кивнул головой:

– Это любопытно. А кто еще войдет в группу?

Есенин стал перечислять:

– Вадим Шершеневич, Сандро Кусиков, Иван Грузинов. А там посмотрим. Думаю, найдутся еще желающие. Но отбор будет строгий.

– Мда... это конечно интересно, – пожевав тонкими синими губами, почти как старушка одобрительно произнес Ивнев.

– Вот и хорошо. Через три дня в газете «Советская страна» будет напечатан наш манифест. Необходимо будет тебе тоже ознакомиться с этим воззванием и подпись свою поставить.

Глава 8

На следующий день утром, в гости пожаловали поэты Шершеневич, Кусиков и Грузинов для конкретного обсуждения, наметившегося литературного направления.

Или как отметил Шершеневич: «весьма грандиозного литературного факта».

Собрались все поэты в большой комнате, где проживали Сергей и Анатолий.

И тут в самый разгар обсуждения на пороге вдруг появился Иван Рукавишников.

Был он как обычно подшофе, а с ним еще какие – то двое его «хороших приятелей», как он их представил.

Ивнев чуть – чуть выглянул, чтобы посмотреть, кто явился и тут же брезгливо поморщился:

– Ну, вот сейчас начнется.

– Что начнется? – не понял Шершеневич.

– Очередная пьяная вакханалия, – усмехнулся ехидно Рюрик, и тихо посмеялся в рукав своей новой длинной кофты.

– Не начнется, – твердо заявил Вадим. Сейчас не время шуметь, ведь мы заняты важным делом.

Он встал, решительно подошел к Рукавишникову и к его приятелям, и, сжав кулаки, угрожающе заявил:

– А ну выметайтесь, не видите что у нас важное заседание. Мы очень, нужный вопрос обсуждаем.

– Чего... о? – нагло скривил лицо в усмешке один из «приятелей» Рукавишникова.

Шершеневич внимательно оглядел его и выдохнул.

– Предупреждаю: я боксер, и поэтому мало вам не покажется.

Двое тут же покорно повернули на выход, кроме Рукавишникова.

– А ты чего рыжая борода? – вопросительно уставился на него Шершеневич.

Есенин и Мариенгоф дружно рассмеялись:

– Да он Вадим наш, тут в коммуне проживает.

– Да я свой, – пьяно икнул Рукавишников и грустным взором окинул крепкие кулаки Шершеневича.

– Тогда направляйтесь к себе в комнату и не мешайте, – приказал Вадим.

Рукавишникову приказ пришлось не совсем по душе.

– Не кричи мил человек, я тоже такой же поэт, как и вы.

– Согласен, – кивнул Шершеневич. Но сейчас вы едва держитесь на ногах. Так что идите отдыхать.

– А я, черт возьми, старше вас.

– Это не меняет дела, – жестко отрезал Шершеневич и решительно подтолкнул Ивана в сторону его комнаты.

Рукавишников, едва не споткнувшись, кое – как добрал до кровати, и тут же рухнув, буквально через пару минут громко захрапел.

После некоторого молчания Мариенгоф сказал:

– Ну что же продолжим наше обсуждение товарищи поэты. Надо утвердить окончательно манифест и давайте договоримся, что у будущего журнала не будет конкретного редактора.

– Как это не будет? – искренне удивился Грузинов.

– Будет редколлегия, – объяснил Мариенгоф.

– Правильно, – кивнул Есенин. Чтобы никто не на кого не обижался. Молодец Толя. Это очень удобно.

– А кто войдет в редколлегию? – поинтересовался поэт Кусиков, и его густые черные брови плотно сошлись у переносицы, образовав сплошную толстую линию.

– Все войдут, – твердо заявил Шершеневич. А еще мы откроем свое издательство.

– Да, – добавил Мариенгоф. И хорошо бы назвать это издательство между прочим «Имажинисты».

– Ну, если так, то предлагаю, начиная с этого дня собирать материал для нашего первого большого альманаха, который мы должны будем выпустить в конце этого года, – заявил Есенин.

– Почему в конце года? – округлили глазки Ивнев.

– Потому что с бумагой в типографиях плохо, – вздохнул Есенин.

– И поэтому нельзя исключать, что альманах может даже выйти в начале следующего года, – подытожил Шершеневич.

Наступила пауза.

Потом Шершеневич торжественно объявил:

– Теперь мы настоящая банда.

– То есть, – спросил Ивнев.

– Имеется в виду в литературном плане, – поспешил успокоить коллегу Мариенгоф.

– Вот именно, – засмеялся Шершеневич. И кстати в нашу группу еще войдут два художника: Борис Эрдман и Георгий Якулов.

Я с ними разговаривал месяц назад. Думаю, никто не будет возражать. Это хорошие, талантливые ребята. Хотя насчет Якулова пока сомневаюсь.

– А они тоже будут входить в редколлегию? – осведомился Грузинов.

– Конечно, – хлопнув по столу, сказал Есенин. Будем все произведения, готовящиеся к печати обсуждать коллективно. С этим думаю, вопрос у нас будет положительно решен.

Вдруг Мариенгоф встал, прошел на кухню, взял доску для нарезки хлеба и стал объяснять:

– Допустим это наша платформа. Так вот на этой платформе будут существовать три принципа. Первое – это быть честными перед людьми, второе – удивлять этих людей новыми образами и метафорами, а значит хорошими произведениями, и третье – заткнуть за пояс все остальные литературные группы.

Он внимательно взглянул на Ивнева, потом на Шершеневича и спросил их.

– Надеюсь, вы как бывшие футуристы не возражаете против такой концепции?

Шершеневич нервно рассмеялся:

– Слушай Толя брось дурачиться. Ты же сам подчеркнул, что мы с Рюриком бывшие футуристы. А значит, что было, то навсегда ушло.

– Да, да, – затряс усиленно головой Ивнев.

Да так сильно затряс, что казалось еще чуть – чуть и она упадет с его тонкой шеи.

– А еще было бы неплохо открыть свой книжный магазин, – предположил Есенин.

Он слегка тронул Мариенгофа за плечо.

– Мы с тобой Толя об этом беседовали.

– Да, – кивнул Мариенгоф. Надо будет побегать насчет этого вопроса.

В комнату, где собрались участники обсуждения, неожиданно заглянул Гусев – Оренбургский (до этого он в своей комнате попивал чай). Писатель спросил:

– Долго ли будете вы еще обсуждать ваш так называемый имажинизм?

– А что? – обернулся к нему Есенин.

– Вот именно, что вас собственно смущает уважаемый старейшина, – немного с иронией осведомился также Мариенгоф

Гусев – Оренбургский с удовольствием усмехнулся и медленно проговорил.

– Получил вчера гонорар за свой двухтомник. Хотел вот вас молодежь угостить чем –нибудь вкусным. А то пьете только ваш суррогатный кофе...

Договорить до конца писателю не дали. Радостный рев одобрения тут же широкой рекой разлился по комнате.

Громче всех улюлюкал Александр Кусиков, или как его все называли коротко: Сандро.

Но тут поднял руку Мариенгоф и очень серьезно заметил:

– Так мы же не завершили еще обсуждение...

Однако Кусиков не захотел его слушать и почти завопил: «Потом, потом...»

И пустился в пляс. Напевая про себя малопонятный горский мотив, попытался максимально достоверно изобразить танец лезгинку.

По национальности Сандро был армянином (настоящая фамилия Кусикян). Но иногда любил для чего – то рассказывать, что он черкес. Впрочем, никто так толком и не мог понять черкес он или армянин.

Еще недавно красный командир Кусиков специально уволился из армии, очень серьезно увлекшись литературой.

А еще он любил хвастаться тем, что знаком с прославленным революционером и террористом Яковом Блюмкиным.

И эту свою неумную радость, он нес весьма почетно и гордо как дорогой орден на груди.

– Эх, какой парень, какой парень, – восклицал он часто в адрес Блюмкина. Не встречал еще таких. Ничего не боится. А как он ловко пробрался в здание посольства и этого немецкого посла Мирбаха на тот свет отправил...

Слушая Кусикова, некоторые недоуменно пожимали плечами, а некоторые, тем не менее, с ним соглашались.

Завершив свою сумасшедшую пляску, Кусиков громко, задавая вопрос, закричал:

– Кто в лавку пойдет за выпивкой и закуской!?

– Об этом я как раз и хотел спросить, – засмеялся ленивым старческим смехом Гусев – Оренбургский.

– Я сам пойду, – воскликнул Сандро.

Однако потом, глянув, на Есенина сказал:

– Серега пойдем вместе. Так будет веселее.

Тут не выдержал и Мариенгоф:

– Ребята, а что если и я с вами. Не будете возражать?

– Не будем, – кивнул Есенин. Втроем больше принесем.

Гусев – Оренбургский выдал денег и полушутливо предупредил:

– Смотрите, чтобы все в порядке было. Не распивайте там, на улице где –нибудь.

И вообще много выпивки не надо.

Кусиков указав на себя, поспешил обнадежить:

– Не переживайте Анатолия и Сережу будет сопровождать красный командир. Так что за порядок я ручаюсь.

По дороге в магазин Кусиков неожиданно признался Есенину, что еще не окончательно уволился из армии и поэтому влиться в ряды имажинистов он сможет, немного позже.

– Как же так? – остановившись удивленно на пол дороге, развел руками Есенин.

– Да уж ты Сандро определись, – назидательно заметил и Мариенгоф.

Кусиков уверенно взмахнул рукой.

– Ну, там формальности остались. Я ведь тут служил в Москве. Теперь по ранению увольняюсь. Так что дело решенное. А чтобы вы не особо огорчались, открою вам маленький секрет.

– Какой? – дружно заинтересовались Есенин и Мариенгоф.

– Мы с поэтом Бальмонтом открываем свое издательство.

– Здорово. И как оно будет называться, – спросил Анатолий.

– Чихи – Пихи...

– Что, что? – засмеялся Мариенгоф.

Не остался в долгу и Есенин. Он хохотал так, что у него даже слезы выступили.

– А почему такое издевательское название Сандро?

Кусиков обиженно засопел как ребенок и объяснил.

– Да это не я. Это Бальмонт придумал. Мы с ним на паях открыли. Мне отец денег дал, он ведь коммерсант. В этом издательстве я хочу выпустить свою книгу под названием «Зеркало Аллаха».

– Чего это вдруг такое название? – спросил Мариенгоф

– Просто я так хочу, – гордо заявил Кусиков.

– Эх, зачем ты Сандро связался с этим стариком Бальмонтом? Он ведь немного того, – продолжая посмеиваться, сказал Есенин.

– Чего, того? – переспросил Кусиков.

– Ну, не дружит особо он с головой, – уточнил Мариенгоф. Так что уходи поскорее от него к нам.

– Вот окончательно уволюсь из армии и тогда приду, – пообещал твердо Сандро.

И задумчиво почесав затылок, добавил.

– Думаю, что через пару месяцев.

– Смотри, держи слово, – дружно воскликнули Есенин и Мариенгоф.

Глава 9

Анатолий откровенно сказал Есенину о том, что еще немного, и он не выдержит того, что творится у них на Козицком.

– Вон и Ивнев опять сбежал. Обещал, что теперь точно не вернется. Видать порядком устал от этого бедлама бедный Рюрик.

– Мда... но ему легко, есть куда сбегать, – усмехнулся Есенин.

– Послушай, – вдруг оживился Мариенгоф. Мне как – то Ваня Грузинов говорил, что есть возможность поселиться на Богословском переулке. Что думаешь?

– А что там на Богословском?

– Один инженер сдает три комнаты и, кажется недорого.

– А сам где будет проживать?

– К матери хочет переехать. Ей одной трудно уже почти под восемьдесят старушке.

– А что неплохая мысль, – кивнул Есенин.

– И я о том же, – констатировал Мариенгоф.

– Постой, постой, – сказал Есенин. Но ведь если и мы съедем с этой квартиры, то тогда товарищ Каменев вообще закроет нашу писательскую коммуналку.

– И черт с ней, – резанул воздух рукой Мариенгоф. Ты же видишь, абсолютно никакого нормального житья и работы. Ничего не выходит. Я бы прямо придушил этого Рукавишникова.

– Да ты чего, живой классик. Как можно? – шутливо воскликнул Есенин.

– Ну да классик. А сам, то ты его два раза за бороду чего таскал?

– Так ведь разозлил порядком, – хитро прищурившись, вымолвил Есенин. И чего это ему вздумалось орать всю ночь напролет. Это же невозможно.

Сергей попытался сделать серьезное лицо. Но тут, же не выдержал и приснул.

– Ну и орал он как сумасшедший.

И опять вместе залились в дружном смехе.

Потом Мариенгоф задал вопрос:

– Ладно, давай решать. Переезжаем или нет?

– Конечно. Только надо придумать когда? Давай через три дня что ли.

– Почему через три?

– Тут такое дело, еще неделю назад я встретил Мишу Гаркави...

– Которого?

– Ну, этот артист, а заодно и конференсье. Оказалось, что сам он учиться на медика. Ты его знаешь?

– Знаю.

– Так вот он приглашал меня выступить в аудитории Медицинского института, а потом сказал можно и на юридическом факультете в Академии почитать стихи. Я ему сказал, что приду, но только с тобой.

– Ну и здорово? – воскликнул Мариенгоф.

– И я так подумал. Тем более Гаркави обещал, что выплатит нормальные гонорары. Я дал также согласие, чтобы афиши развесили.

– Отлично, – обрадовался Мариенгоф.

– Да, – кивнул Есенин. Тем более мне очень, сейчас нужны деньги. Надо Зинаиде немедленно отправить.

– А разве тебе за «Голубень» не выдали денег?

– Выдали... – медленно и слегка разочаровано сказал Есенин. Только что это за деньги, так слезы...

– Ну, ничего вот откроем наше издательство и будем княжить, – обнадежил Мариенгоф.

– Думаешь, дела пойдут? – пронзил Есенин друга своими большими синими глазами.

– Даже уверен. Только надо будет нам часто выступать. И денег заработаем, и внимание к себе привлечем. И надо не только вдвоем декламировать стихи, а всей бандой. Чтобы шуму было больше. Кстати что там с открытием кафе? А то не хочу больше выступать в этом «Домино». Нам надобно свое помещение иметь.

– Обещали помочь. И Коненков тоже обещал содействие. У «дедушки» большие связи.

– Ну и прекрасно. Кстати брат Бориса Эрдмана Николай тоже желает вступить в наш Орден имажинистов, – осведомил Мариенгоф Есенина. Я разговаривал с ним. Очень тяготеет он к нам.

Есенин кивнул.

– Хорошо. Надо будет посмотреть, как он пишет. Нам ведь нужны интересные поэты. Надо на ближайшем собрании обсудить его кандидатуру.

Глава 10

Приехали поэты на выступление в Медицинский институт наняв извозчика и не пожалев на это последние деньги.

Также прихватили с собой несколько книжек под названием «Явь», чтобы раздать студентам.

В этом сборнике были собраны стихи почти всех имажинистов.

Встретил их, как и договаривались начинающий актер и конферансье Михаил Гаркави.

Это был стройный подтянутый юноша примерно 24 – лет с черными, свисающими почти до плеч волосами.

Хочется отметить, что Гаркави уже в 30 – годы порядком располнел и, к сожалению так сильно, что поэт сатирик Эмиль Кроткий не поленился сочинить про него такую эпиграмму:

*«Что толст он это не беда.
Беда, что тонок не всегда».*

Был Гаркави слегка взволнован. Он всплеснул руками.

– Ждут уже студенты. Вы нынче модными стали товарищи имажинисты.

Есенину и Мариенгофу такие слова пришлись по душе.

Мариенгоф хлопнул Гаркави по спине и хвастливо воскликнул:

– Знаешь ли, парень, что мы в скором времени завоюем всю Россию. И быть может наш имажинизм, осчастливит даже весь народ своей неповторимостью и загадочностью.

Когда они за кулисами сняли пальто и шляпы Мариенгоф спросил Есенина:

– Кто первый?

Есенин небрежно махнул перчаткой:

– Кидай монету.

Мариенгоф кинул монету вверх, и едва поймав, чуть взволновано заявил:

– Кажется мне...

– Валяй, – напутствовал Есенин.

– А может все – таки ты?

– Нет, тебе выпало.

Тут Гаркави растопырил обе руки, перед Есениным и Мариенгофом и важно заметил:

– Погодите ребята надо объявить вас.

– Объявляй, – бросил небрежно Мариенгоф и, подойдя к узкому пожелтевшему от времени зеркалу, привинченному к стене, стал поправлять галстук, а также аккуратно прилизанные лоснящиеся от бриолина волосы.

Через минуту забежал обратно за кулисы Гаркави и взволнованно выдохнул:

– Пора...

Мариенгоф отдернул с силой штору и вышел на сцену. Встретили новоявленного имажиниста отчаянными криками и рукоплесканиями.

Мариенгоф выставил левую ногу чуть вперед и стал с придыханием громко декламировать:

*Кровоточи,
Капай
Кровавой слюной
Нежность. Сердца серебряный купол
Матов суровой чернью...*

Завершил он стихотворение также громко, как и начал, и имел вдруг неожиданный успех. В радостном волнении прочитал еще с два десятка опусов. Провожали поэта аплодисментами.

Мариенгоф был доволен. Прежде чем уйти, он низко поклонился, и помахал, улыбаясь рукой.

Пока готовился к выходу Есенин, конференсье забавлял студентов всякими небылицами. Михаил Гаркави знал их немало.

Когда вышел Есенин, снова раздались крики, и гром рукоплесканий.

Он подошел к авансцене и не очень громко, но выразительно начал:

*В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.
Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор...*

Аудитория притихла. И непривычная, пугающая мертвая тишина нависла над залом.

Взоры студентов были устремлены к невысокой фигуре поэта, который очень и очень грустно изливал душу:

*Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.
Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек...*

Не успел Есенин завершить, как абсолютно все пространство зала потонуло в неистовых аплодисментах и громких криках: «Браво, браво...».

Многие повскакали с мест, подошли близко к авансцене и стали просить и подбадривать поэта:

– Давай еще...

– Прекрасно читаете...

– Какой молодец...

А за кулисами буквально плясал Гаркави, прихлопывая себя по коленкам.

– Вот это успех. Ну, просто чудо. Смотри, как околдовал он их...

Однако Мариенгоф не подпрыгивал и не улыбался.

Он был как – будто в тревожном напряжении.

Гаркави удивленно поинтересовался:

– Что с вами Анатолий?

Мариенгоф как – то странно дернулся и недовольно заявил:

– Со мной ничего. Я рад за Сережу. Но немного нервничаю, так как нам сегодня еще в другом месте выступать, а его буквально не отпускают.

Прошло почти два часа, а Есенина действительно не желали отпускать со сцены. И все же он завершил. Но завершил также грустно, как и начал:

*Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики в звездные уши
Насыпает вечерний снег...*

Студенты кидали шапки и картузы верх, улюлюкали, озорно свистели. И как мантру громко повторяли:

– Давай еще, еще...

Есенин немного смущенный, молча, улыбался.

Мариенгоф едва отодвинув штору, выглянул из – за кулис и прошипел:

– Серега завершай. Нам еще у юристов выступать.

Есенин, продолжая улыбаться, обратился к студентам:

– Уважаемые товарищи обещаю, что еще придем. А сейчас нам пора уходить.

В этот момент на сцену вышел Гаркави и, успокаивая студентов, громко бросил в зал:

– Товарищи имейте совесть. Поэты устали, а им еще надо в другом месте читать стихи.

Высокий студент со всклокоченными рыжими волосами, который вертелся у самой авансцены, воскликнул:

– Спасибо тебе поэт!

Есенин снова помахал рукой и удалился за кулисы.

Мариенгоф подошел к нему и с укоризной заметил:

– Серега ты немного задержал нашу программу. Забыл что ли? забыл да?

– Так ведь Толя раз молодежь просит, приходится читать. А то потом лечить будут плохо, – улыбался Есенин.

Гаркави весело рассмеялся. А Мариенгоф строго заметил:

– Ну и что с того, что просят. Не им решать, а организатору. Правда, ведь Миша? – обратился он к Гаркави.

– Да, это так, – гордо затряс большой головой конференсье и пояснил: – Идите к выходу, а я пойду, найду извозчика.

– А деньги когда? – спросил Есенин

– Так вам что сразу? я думал после второго выступления.

– Давай сразу, – потребовал Есенин. Хочу пива выпить.

– Пусть так, – согласился нехотя Гаркави и, отойдя в сторонку, быстро отсчитал деньги.

Однако транспорт сразу найти не удалось. Пришлось ждать почти полчаса.

Но вот он забежал с красными щеками от холода и радостно воскликнул:

– Ребята нашел карету. Быстрее загружаемся. Надо успеть к пяти часам.

* * *

Студенты юридического факультета также восторженно встретили поэтов.

Прямо на входной двери Академии красовалась афиша из серой дешевой бумаги с головами Есенина и Мариенгофа в шикарных цилиндрах.

И снизу крупными черными буквами было выведено:

«Поэты – имажинисты новой революционной России».

Оба усмехнулись, увидев афишу.

Мариенгоф стал громко говорить Гаркави:

– Гляди Миша вот этот плакат через два десятка лет, станет очень ценным раритетом. В самый раз будет в литературный музей поместить.

Гаркави засмеялся, и равнодушно кивнув головой, изрек:

– Это прекрасно. Надо будет афишу забрать домой и продать потом за сто тысяч рублей.

Когда аудитория наполнилась студентами, конференсье тихо сказал поэтам.

– Хотел бы попросить вас, чтобы программа была прежней. Надо предыдущий успех повторить. А кому из вас выходить первым решайте сами.

На этот раз первым вышел Есенин, и честно прочитал те же стихи, что читал и у медиков. И снова имел успех. Аудитория также громко рукоплескала.

А вот Мариенгофу не совсем повезло.

Сначала его хорошо приняли, но потом свист и гоготанье не позволяли имажинисту нормально читать стихи.

А когда он с большим пафосом продекламировал:

*Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыхливаем в Чрезвычайке...*

То неумный хохот увеличился во много раз.

И он был вынужден уйти со сцены как говорить несолоно хлебавши.

Гаркави бросился утешать поэта:

– Не обращайтесь внимания. Такое случается. Вот у Сергея тоже такое могло случиться.

Есенин, перекидывая красивую черного цвета трость с руки на руку, как – будто согласился:

– Да, такое бывает иногда.

Однако Мариенгофа это мало утешило. Он презрительно отплевывался:

– Они решительно ничего не понимают в поэзии. Этим юристам лишь бы в кабинетах штаны просиживать, читая свои паршивые законы.

А Есенин строго обратился к Гаркави:

– Ладно, Михаил давайте деньги. Ехать уже пора.

Гаркави поморщился как от зубной боли и с не охотой вновь полез в карман своего модного коричневого френча.

Достал две большие пачки заранее приготовленных денег и протянул по очереди поэтам.

Когда Есенин и Мариенгоф, надев пальто, собрались к выходу, к ним неожиданно подошел парень в студенческом кителе со смешными не в меру большими ушами, и взволновано проговорил:

– Вы выступили замечательно. Всем очень понравилось.

– Так уж прямо и всем, – иронично усмехнулся Мариенгоф.

– Да, многим, – повторил студент.

– Ладно, – махнул рукой Есенин. Чего вы хотели?

Студент еще более взволнованно выдавил:

– Меня зовут Матвей Ройзман, я учусь на третьем курсе и тоже пишу стихи. Нельзя ли как –нибудь показать их вам? Или я мог бы сам прочитать.

– Печатались? – спросил Мариенгоф.

– Да, в журнале «Свободный час» два раза.

– Хорошо, – кивнул Есенин. Заходите в кафе «Домино» мы там будем завтра вот и посмотрим ваши стихи. Принесите самые лучшие.

Потом задумчиво глянув еще раз на студента, уточнил.

– Приходите лучше к 10 утра. Мы с Анатолием будем вдвоем. А то вечером народу полно, не дадут поговорить.

Уже на улице стирая перчаткой, мокрый снег с лица Мариенгоф недовольно бурчал:

– Эти юристы почему – то обязательно пишут стихи. И без них хватает поэтов. Не надо было приглашать этого Ройзмана. Какой ты Сережа добренький.

– Но ведь не только нам с тобой сочинять стихи, – усмехнулся Есенин. Кстати ты ведь и сам когда – то учился на юриста.

Мариенгоф небрежно махнул рукой:

– Это в прошлом. И хорошо, что не окончил.

Потом предложил:

– Слушай, пойдем в ресторан, а то я изрядно проголодался. Да и настроение надобно улучшить.

– Хорошая мысль – согласился Есенин. Может в наше «Домино».

– Нет, – мотнул головой Мариенгоф. Там плохой спирт подают. Поедем лучше на Арбат в какое-нибудь приличное заведение и выпьем бутылку хорошего бренди.

– Дороговато будет.

– Так ведь заработали.

Глава 11

Утро ворвалось в комнату внезапно и осветило ее желтыми лучами раннего солнца.

И спустя некоторое время комната уже стала заливаться оранжево – кровавым отсветом.

Есенин, лежа на кровати и закинув руки за голову, обращается к Мариенгофу.

– Знаешь Толя, а я ведь работаю над книжкой о нашем имажинизме.

Он, слегка зевнув, стал, сверлить Анатолия своим цепким пронзительным взглядом.

– А я тоже Сережа, – обрадовано воскликнул Мариенгоф, попивая в это время дешевый суррогатный кофе и сидя на своей кровати прямо в исподнем.

– Назову свою статью «Буян – остров». Кажется очень хорошее название. Ты не находишь?

– Вроде ничего, – задумался Есенин, а я вот пока не решил, как называть. Хотя нет, думаю назвать «Ключи Марии».

– Почему так?

– Долго объяснять.

– А хочешь, вместе придумаем название.

– Не надо. Я сам себе голова.

В этот момент в двери тихо постучались. Это был Гусев – Оренбургский.

Писатель улыбнулся и немного смущенно спросил:

– Чаю не найдется. Сам не заметил, как закончился, а идти с утра в лавку лень.

– Найдется, – откликнулся Мариенгоф. Вчера только купил. Как раз хотел на кухню отнести. А может кофе? Правда, оно не очень хорошее.

– Нет, – сощурил и без того узкие глаза Гусев – Оренбургский. Я люблю чай.

Есенин откинул одеяло, несколько раз подпрыгнул, делая что-то вроде зарядки и сказал, обращаясь к пожилому литератору.

– Мы с Анатолием решили переехать жить на новое место. Как вы на это смотрите Сергей Иванович? Ведь могут отнять квартиру. Вам есть куда переселиться?

Гусев – Оренбургский улыбнулся в усы.

– Понимаю, Рукавишников всем уже порядком надоел. Не получилось у нас полноценной коммуны. Нет тут нормального жития. И правильно делаете. Тоже кстати уезжаю.

– Куда? – спросили с любопытством поэты.

– В Крым. Там у меня родственники живут.

– А там, какая власть? – спросил Мариенгоф.

– Не знаю, – искренне ответил писатель.

И тут же махнул рукой:

– А не все ли равно.

* * *

Наконец Есенин и Мариенгоф переехали в Богословский переулок.

И после этого оба напросились на прием к председателю Моссовета Льву Каменеву и все объяснили ему.

Каменев усмехнулся и сказал, что раз такое дело, то оставшегося в квартире Рукавишникова переселят в здание Пролеткульта.

– Там еще находится журналист Тимофеев, – подсказал Есенин.

– Место в общежитии найдется для всех, – констатировал Каменев.

Помолчал немного и, покачав головой, добавил:

– А ведь неплохой писатель этот Рукавишников. Я его роман «**Проклятый род**» читал, весьма занимательная вещь. – А вы читали?

– Нет, – замотали головами поэты.

– Но прочитаем, – уверил Каменева Мариенгоф.

Пользуясь, случаем, поэты попросили председателя Моссовета помочь открыть книжную лавку, а также собственное литературное кафе.

– Это для пропаганды нового искусства, – поспешно заявил Есенин.

– Да, – поддержал друга Мариенгоф. Будем продавать в лавке, как классику, так и новую революционную литературу.

– Ну а кафе зачем? – поинтересовался Лев Каменев.

– Будем зарабатывать деньги также чтением стихов, – сказал Есенин. Люди будут приходить, чтобы закусить и выпить ну заодно и стихи послушать.

Мариенгоф стараясь поймать взгляд председателя Моссовета, чуть ли не взмолился:

– Очень просим Лев Борисович помогите. Кстати будете бесплатно обедать у нас.

Каменев засмеялся и дал согласие:

– Уговорили вы меня товарищи имажинисты. Только название кафе придумайте интересное.

– Обязательно, обязательно, – закивали головами Есенин и Мариенгоф.

Когда вышли на улицу Анатолий с удовольствием констатировал:

– Ну, теперь покажем футуристам, что значит собирать народ и читать стихи. А то поэт Каменский все бахвалится: да мы такие, мы мировые. Думаю, все их посетители теперь переключают к нам. Такое устроим, мало не покажется.

– Откуда такая уверенность Толя? – спросил Есенин.

Сам он еще не до конца верил, что они за счет книжкой лавки и кафе смогут заработать хорошие деньги.

Но Мариенгоф почему то верил. И время показало: он оказался все-таки прав. И лавка и кафе (которое имажинисты назовут «Стойло Пегаса») стали приносить на первых порах действительно неплохой доход.

– Таковую деятельность начнем, что все удивятся, – энергично размахивал руками, торжествовал Анатолий. – Во – первых мы сами неплохо пишем. Будет, что почитать. А во – вторых еще и молодежь привлечем. Вот Коля Эрдман интересные басни сочиняет. Потом можно пригласить Эмилия Кроткого. Тоже эпиграммы неплохие строчит. А главное власть к нам имажинистам лояльно относится.

– Ну ладно, – кивнул Есенин. Надо будет всем нашим сообщить эту новость.

– Да, – согласился Мариенгоф. Давай сегодня же соберемся.

– Нет, – отмахнулся Есенин. Сегодня лучше зайдём в «Домино» и хорошенько выпьем. Надо отметить такое важное дело.

– Сережа давай не сегодня, – заупрямился Мариенгоф.

– Нет, сегодня, – твердо стоял на своем Есенин. А ты если не желаешь, поезжай домой, я сам буду выпивать.

Мариенгоф нехотя согласился.

– Хорошо пойдем вдвоем. Но только пить я особо не буду.

– Не надо, – ухмыльнулся Есенин. Смотри, как я буду это делать. Так даже интереснее. Но не выпить у Мариенгофа не получилось.

В «Домино» они встретились с Шершеневичем и Ивневым.

Поэты, правда, пили только сидро. Есенин подошел к ним и воскликнул:

– Так дело не пойдет. Мы только что получили добро от Каменева на открытие своего кафе и магазина. Это надо все-таки отметить.

– Правда что ли? – спросил, не поверив удивленно Шершеневич.

– Конечно, – воскликнул Есенин.

Ивнев молча, улыбался.

Есенин дернул за рукав Мариенгофа.

– Толя подтверди...

Мариенгоф гордо кивнул.

– Истинная, правда.

– Ну, раз такое дело не жаль потратить последние деньги, – обрадовался Шершеневич и крикнул:

– Эй, официант подавай сюда спирту, и закусить чего – nibудь. Если можно жареное мясо.

– Вот это прекрасно, – потер руки Есенин. А ты Рюрик будешь пить спирт?

– Нет! – резко отказался Ивнев, словно очнувшись от тягостного сна. У меня горло болит.

– Тем более надо, – расхохотался Есенин.

– Ну, разве что маленькую рюмочку, – осторожно предположил Ивнев и с усилием растянул свои синие тонкие губы, изобразив нечто подобие улыбки.

Глава 12

В конце весны 1919 года Есенин в одном из кафе, где помещался Союз поэтов, случайно познакомился с миловидной девушкой Екатерина Эйгес.

Она работала библиотекарем и заодно писала и стихи.

Екатерина в Союз поэтов пришла утром, чтобы показать свои сочинения кому –нибудь из уже известных поэтов.

Застала в помещении Шершеневича и футуриста Каменского.

Неуверенно подошла к ним и спросила:

– А кто председатель Союза поэтов?

– Допустим я, – ответил Вадим. А что хотели?

– Меня зовут Екатерина Эйгес, я стихи принесла, может, посмотрите?

– Посмотрим, – сказал Шершеневич, принимая из рук Эйгес небольшую стопку стихов. –

Приходите через три дня, я дам ответ.

– Хорошо, – скромно кивнула Эйгес и повернулась, чтобы уйти.

Но в этот момент в кафе вошли Есенин и Мариенгоф.

И Есенин, не церемонясь, с порога громко воскликнул:

– Ух, ты какая красавица. Вадим немедленно познакомь. Или ты мне больше не друг...

Шершеневич пожал плечами:

– Да я ее только в первый раз вижу. Она стихи принесла. Сказала, что зовут Екатерина.

– Ага, понятно.

А у Мариенгофа в это время в мозгу молнией вспыхнула мысль:

«Как же она сильно похожа на Зинаиду Райх».

Но вслух он ничего не произнес.

Девушка еще раз представилась уже Есенину.

– А знаете что, давайте я вас угощу чем –нибудь, – буквально сразу легко предложил Сергей. Чего желаете?

– А чем здесь угощают? – кокетливо поинтересовалась Екатерина.

– У нас всем угощают, – встрял в разговор Шершеневич. Несмотря на тяжелое время здесь всего хватает. Такое вот это заведение.

– Ну, тогда кофе и ликер, – пожелала Эйгес.

– Да конечно. И еще принесите пирожных, – попросил Есенин официанта.

Эйгес сама выбрала столик, а Есенин тут же присел рядом. Мариенгоф, Каменский и Шершеневич стояли, переминаясь с ноги на ногу, и недоуменно поглядывали то на Есенина, то на Эйгес.

– Ну чего вы стоите. Давайте присаживайтесь, – позвал он поэтов, словно являлся хозяином данного заведения.

Однако полный с одутловатым рыхлым лицом Каменский вдруг неуклюже двинулся к выходу.

– Я не могу. Приехал брат, надо ему Москву показать. Так что извините...

– Извиняем, – усмехнувшись, бросил Есенин.

Потом обратился к Шершеневичу и Мариенгофу.

– А вы что как чужие стоите.

Поэты присели к столику, и Шершеневич сказал:

– Вот Екатерина принесла стихи, хочет вступить в Союз поэтов.

– А где стихи?

Шершеневич раскрыл папку. Есенин, быстро выпив рюмку ликера, тут же углубился в чтение. Прочитав четыре, или пять стихотворений утвердительно кивнул:

– Считайте Екатерина, что вы уже приняты в Союз.

Эйгес посмотрела вопросительно на Шершеневича, и ресницы ее сильно заморгали.

– А что вы на него смотрите, – засмеялся Есенин. Если я сказал, значит, так тому и быть.

Вадим мне доверяет.

– Да доверяю, – согласился Шершеневич и уставился

в одну точку неподвижным мертвым взором.

– Спасибо, – вспыхнула в радостном волнении Эйгес.

Мариенгоф усмехнувшись, обратился к Шершеневичу.

– Я слышал, Вадим ты новый цикл стихов написал. Почитай немного.

– Еще не написал. Я пока работаю, – деревянным голосом процедил Шершеневич. Будет называться «Лошадь как лошадь». Поэтому читать сейчас не буду, тем более что тороплюсь. У меня назначена встреча с Блоком.

– А что Александр Александрович в Москве? – спросил Есенин.

– Да, вчера приехал, – кивнул Шершеневич. Через три дня будет вечер поэзии. Он прочитает свою новую поэму, которая называется «Двенадцать». Надеюсь, вы придете, – посмотрел он на Есенина и Мариенгофа

– Обязательно, – воскликнул Есенин. Я Блока давно не видел. Вот Анатолия познакомлю с ним.

Наступила короткая пауза.

– А можно я возьму два пирожных домой, – попросила вдруг смущенно Екатерина, прервав всеобщее молчание.

– Конечно, – сказал тут же Есенин.

Он выпил остатки ликера на пару с Мариенгофом и мягко предупредил девушку.

– Если не возражаете, мы с Толей проводим вас.

Мариенгоф качнул головой:

– Сергей я, наверное, домой пойду.

Есенин шикнул на него.

– Прошу тебя идем с нами. Ради компании. А там уже посмотришь сам.

Когда вышли на улицу Есенин похвастался:

– Скоро у нас имажинистов откроется свое кафе, там вы Екатерина будете самой желанной гостьей.

– Рада это слышать, – заулыбалась Эйгес. Только я не особо люблю по кафе ходить.

– Отчего так? – спросил со скучающим видом Мариенгоф.

– Не люблю много шума.

– У нас надеюсь, будет не очень шумно, – заметил Есенин.

– Да, у нас будет тихо почти как в покойницкой, – съязвил Мариенгоф и криво усмехнулся.

– Это не смешно, – попытался обидеться Есенин.

Но тут – же улыбнулся и, вынув из кармана куртки сверток, показал Екатерине.

– Что это? – спросила она.

Есенин развернул плотную бумагу, и девушка увидела белоснежные пирожные.

– Вот пошел на кухню и украл еще пару штук, – искренне признался Есенин и засмеялся очень весело как ребенок.

– А тебя разве никто не видел? – полюбопытствовал Мариенгоф.

– Нет, в этот момент там никого не было, – усмехался довольный собой Есенин.

* * *

Мариенгоф отстал от Есенина и Эйгес.

Он шел почему – то сзади на приличном расстоянии.

Есенин, сложив руки у рта, изображая рупор, крикнул:

– Эй, Толя ты чего!? Нагоняй быстрее.

Мариенгоф издали помахал рукой: «Мол, не беспокойтесь все хорошо».

– Странный у вас товарищ, – сказала Екатерина.

– Да, есть немного, – кивнул Есенин. Кстати нас обоих считают странными еще, оттого, что мы, иногда, щеголяем в цилиндрах. Бывает, что и ругаемся, полдня не общаемся, а потом снова перемирие. Когда меня обокрали, то он сразу помог мне. Пошли в магазин и купили новую одежду. А когда у него украли, то, я, конечно, поспешил на помощь. Представляете, поехал Анатолий к дальнему родственнику на дачу, того не оказалось на месте. Было уже поздно, и он решил переночевать в соседнем пустовавшем доме. Когда проснулся, то не нашел часов, брюк и рубашки.

Я приезжаю на следующий день, а он стоит растерянный и орет изо всей мочи из окна. Захожу внутрь, а там пусто и только несколько матрасов в углу, и он сам в пиджаке, накинутом на голое тело. Это было довольно уморительно.

Есенин обернулся назад чтобы снова позвать Анатолия, но того как будто и след простыл. Сергей рассмеялся.

– Вот вам и странности нашего брата поэта.

Екатерина тоже засмеялась и сказала:

– Мне кажется, что вы поэты все со странностями. Мне рассказывали, что Велимир Хлебников, когда однажды читал стихи, то забыл обо всех, и заснул буквально там же на сцене сидя за столом.

– Это так, – кивнул Есенин. А еще Велимир абсолютно равнодушный человек к деньгам и роскоши. Может и в домашнем халате щеголять по улице. Но в тоже время очень простой и добрый. – Одна беда, – развел руками Есенин. – Стихи пишет малопонятные оттого, и печатают его мало.

* * *

– Но вот мы и пришли, – сказала Екатерина и остановилась около трехэтажного желтого здания.

Есенин оглянулся и удивился:

– Мать честная да это же гостиница «Люкс».

И сам не заметив как перешел на ты, спросил:

– Сколько же тебе обходится такое проживание?

– Почти нисколько. Это ведь теперь общежитие. Выделили специально для работников культуры. У меня своя большая комната, – похвасталась девушка.

– А мне можно увидеть эту комнату? – лукаво улыбнулся Сергей.

– Если очень хочется. Тем более надо ведь скушать все наши пирожные. Кстати у меня и вино есть.

Есенин уверенно взял Екатерину под руку.

– Это прекрасно. Закатим пир горой. Не у всех в наше время есть вино и пирожные.

Они легко поднялись на третий этаж, вошли в комнату и, усаживая девушку сразу на кровать, Есенин спросил:

– А знаешь, что мне больше всего в тебе понравилось?

– Что? – вздернула носик Екатерина.

– Твои бедра, – честно признался Есенин.

– Ну, ты и наглец, – шутливо отмахнулась она. Как не стыдно я ведь старше тебя.

– Но это правда, – сузив глаза, усмехнулся Есенин. И разреши мне, пожалуйста, сегодня остаться у тебя ночевать.

Эйгес еще более удивилась.

– А ты оказывается действительно наглый.

– Ага, – согласился Есенин. Значит, договорились.

И пока растерянная Екатерина раздумывала, что ответить, Есенин мягко потребовал:

– И подай, пожалуйста, сюда твоё вино. Очень не терпится попробовать.

Екатерина принесла графин, поставила на стол, положила в тарелку пирожные.

Есенин с удовольствием выпил сразу три рюмки и снова пустился в признания:

– Ты мне очень понравилась. Это действительно так. Поэтому может, прямо сейчас разденемся и ляжем в кровать?

Он помолчал, на секунду и упрямо попросил:

– Ну, прошу тебя.

У девушки глаза буквально полезли на лоб.

– Ты... ты с ума сошел Есенин?

– Да, сошел. Считаю что это очередная моя странность.

– Не буду раздеваться, – сердито отрезала девушка. Уходи лучше, – не очень уверенно проговорила она.

– Ну, хорошо дождемся ночи, – пропустив слова Екатерины, мимо ушей твердо констатировал он.

Есенин был уже изрядно пьян, так как выпил кряду несколько рюмок крепкого вина.

Сергей почувствовал, как пол слегка закачался под ним.

Хмель так сильно ударила в голову, в результате чего язык невольно становился все более и более, развязным.

Тем не менее, девушка не стала прогонять Есенина. Ей тоже все-таки очень понравился этот веселый, немного наглый, но удивительно симпатичный парень.

Екатерина абсолютно не могла противостоять чудовищному обаянию поэта.

Есенин стал читать девушке стихи.

*Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы – ветви
Ты лунный гребешок?*

И когда время наступило за полночь они действительно вместе легли в постель.

И она совсем не воспротивилась этому.

В это время за стенкой тоскливо и громко начала надрываться заунывная музыка, и Есенин не выдержав несколько раз, бабахнул кулаком в стену:

– В конце концов, позволено отдыхать или нет. Еще раз услышу вашу паршивую музыку, то пристрелю из нагана.

Музыка прекратилась. Екатерина тихо засмеялась:

– А что у тебя есть наган?

Есенин объяснил:

– Наган есть, но только дома.

Екатерина прислонила его голову к своей белой мягкой груди и сказала.

– Успокойся. Там живет старик еврей. Он когда выпьет, всегда слушает свою любимую музыку. Он очень спокойный и вежливый человек.

– Ах, ну если так, то конечно, – рассмеялся Есенин и стал нежно осыпать поцелуями глаза и губы девушки...

Глава 13

Когда Есенин появился дома, то Мариенгоф, тут же громко не преминул упрекнуть его.
– Почему надолго исчез? Я думал на следующий день придешь, а тебя не было целую неделю. Забыл про литературный вечер с участием Блока?

– Эх, забыл, – раздосадовано бросил Сергей. Каюсь не смог сразу уйти от такой красавицы. Кстати поздравь: все у нас было прекрасно, – гордо добавил он. – А ты был на выступлении?

– Нет, – замотал головой Мариенгоф.

– Почему?

– Если честно не было никакого вечера. Организаторы извинились и сказали, что Блок болен и его направляют на лечение в какой-то санаторий. Пока не понятно когда он будет вообще выступать.

– Ух, ты, – вздохнул Есенин. Легче даже стало на душе, что концерта не было. Ну, пусть лечится, нам его здоровье очень важно. А почему ты собственно Толя так сильно нервничаешь. Это Клюев помню, ревновал меня абсолютно ко всем, но ты ведь не из таких...

Не дав Есенину договорить, Мариенгоф расхохотался.

– Чего ржешь?

Анатолий ухмыльнулся:

– Да вот подумал, что нелегко тебе пришлось, видимо в свое время с Клюевым. Он ведь еще тот чудак.

– Нелегко, – искренне и невесело признался Есенин. Но как только я пригрозил, что пырну его ножом, то он сразу успокоился.

Есенин как – то даже не ожидал, что его лучший друг может поднять его на смех.

И смеялся Анатолий от всей души. Это понял Есенин, глядя на его бегающие почти как у лисы глаза.

И поэтому вдруг мимолетная злоба вспыхнула у него в душе.

Еще немного и он готов был, наверное, ударить Мариенгофа.

Но все-таки взял себя в руки.

Есенин вздохнул и вымолвил:

– Давай будем пить чай. А еще лучше, если есть коньяк.

– Есть, – легким шагом подойдя к буфетной стойке, сказал Мариенгоф, и достал оттуда бутылку и тонко нарезанный сладкий батон.

Есенин немедленно выпил и чертыхнулся:

– Какой паршивый напиток. Где ты его Толя купил?

– Это друг юности привез из Пензы Гриша Колобов. Когда – то вместе учились в гимназии. А сейчас он заделался начальником на железной дороге здесь в Москве.

– Ого, – удивился Есенин. У него, что связи большие?

– Да так, – кивнул Мариенгоф. Кстати знаешь, что помещение под магазин уже предоставили. Более того Шершеневич сказал, что еще один магазин есть возможность арендовать.

– И как он это сделает?

– А черт его знает, – развел руками Анатолий. Он, же очень шустрый. Лучше его никто языком не владеет. Говорит, что ходил к Луначарскому. Мол, тот хорошо знал его отца. Не знаю, врет или нет.

– Не думаю. Все-таки Вадим серьезный парень, – заметил Есенин. А как насчет кафе?

– Надо подождать три – четыре месяца. Там будут работать Георгий Якулов а также Коненков. Обещали хорошо украсить помещение. Задуман небольшой зал и сцена для выступления.

– Отлично, – щелкнул пальцами Есенин.

Глава 14

И вот осталась неделя до открытия кафе.

Есенин с радостью оповестил об этом по телефону тех имажинистов, у кого имелся дома телефон. Напомнил, что открытие состоится в 10 часов утра.

У кого телефонов не было попросил Мариенгофа навестить их и сообщить им лично.

Кроме того по Москве были развешаны также афиши изготовленные из плотной качественной бумаги возвещавшие об этом громком для имажинистов факте.

Когда Есенин случайно столкнулся с поэтом Матвеем Ройзманом в здании Пролеткульта, тот осторожно осведомился надо ли ему тоже присутствовать:

– Обязательно Мотя. Ты и Коля Эрдман самые молодые имажинисты. Надо ведь ознакомить широкую аудиторию с вашим творчеством. Ну а как у тебя с учебой? Скоро ли полноценным юристом станешь?

Ройзман немного смутился и тихо промолвил:

– Я что – то все больше в сторону литературы стал тяготеть. Не могу себя перебороть.

– Ну, смотри товарищ имажинист, – засмеялся Есенин. Может оно и к лучшему. Станешь настоящим писателем.

– Я тоже так думаю, – простодушно согласился Ройзман, и тоже засмеялся.

Также официально был приглашен певец Александр Вертинский. Есенин попросил это сделать Шершеневича, который был лично знаком с Александром Николаевичем.

– Пусть приедет немного раньше. Чтобы не пришлось ему толкаться в толпе. И скажи, что хорошо оплатим.

* * *

На открытие кафе, которое находилось по адресу Тверская 37 народу пришло действительно много.

Очень любопытно было узнать поклонникам поэзии, что это за кафе открывают имажинисты.

В первую очередь выкрикивались фамилии Есенина, Мариенгофа, Шершеневича и почему – то Луначарского.

Хотя Луначарский имел отношение к этому кафе косвенное. Он всего лишь поддержал его открытие.

В не очень большом зале было все аккуратно: белые столики, желтые лампы, бархатные зеленого цвета шторы.

Направо от сцены большой диван, где можно было просто отдохнуть и даже поспать.

Был приглашен и конференсье в лице вездесущего Михаила Гаркави.

На этот раз он должен был читать стихи тех поэтов, кто сам не захочет, но непосредственно оплатит ему энную сумму за выступление.

Мариенгоф подошел к Гаркави и сказал:

– Миша веда весь вечер ты, того же хочет и Сергей.

Гаркави растянул рот в широкой благодостной улыбке и весело проговорил:

– За небольшую дополнительную плату готов хоть сутки рассказывать анекдоты и стихи зрителям.

Мариенгоф тоже усмехнулся:

– Да, дружок ты своего никогда не упустишь.

В это время Вадим Шершеневич стал перед дверьми и произнес небольшую пафосную речь:

– Уважаемые товарищи сегодня третьего августа мы открываем наше литературное кафе. Я вижу здесь не только имажинистов, но и поэтов других течений. Ну, что же тем лучше. Может, устроим своего рода соревнование по чтению стихов...

– А где Маяковский? – крикнул кто – то из толпы, прервав его обращение.

Ему тут же иронично заметили.

– Краску покупает для «Окон Сатиры»...

– Ого, го, го, – заколыхалась толпа в очень громком, неудержимом хохоте.

Шершеневич поднял руку.

– Внимание. Не беда, что нет Маяковского, зато есть его товарищ поэт Каменский. Он будет читать стихи. И хочу предупредить, что для кого сегодня не хватит мест, пусть придут завтра или послезавтра. Мы будем выступать каждый день, кроме понедельника.

– Го, го, го, – вновь забурлил народ, а потом стремительно и дружно хлынул внутрь помещения.

Однако, как и предполагал, Шершеневич не все вместились, и поэтому у входа началась изрядная давка.

Вадим пытался насести порядок. Он зычным голосом кричал.

– Уважаемый народ, ничего страшного не случилось. Можно завтра придти. А кто этого не понимает, предупреждаю, что я боксер, и мало никому не покажется.

После предупреждения Вадима, кто – то ушел восвояси, а кто – то все – таки попытался проскользнуть в кафе.

Шершеневичу активно стал помогать уже упомянутый Григорий Колобов, который являлся другом всех имажинистов.

* * *

Зал оказался переполнен.

Свободных столиков конечно не было.

На диване вместо четверых – пятерых, разместились гораздо больше людей.

Главные теоретики имажинизма: Есенин, Мариенгоф, Шершеневич и Кусиков еще раз коротко поздравили себя и других, и стали выходить поочередно на маленькую сцену и читать свои стихи.

Поэт Николай Эрдман, не захотел читать сам и попросил это сделать Гаркави.

Также поступил и Матвей Ройзман.

К нему вдруг подошел Шершеневич и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.